

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Первое мая 1936 года

Тьма накрывала город бесшумно, подкрадывалась за спиной. Нина чувствовала запах вспоротой земли и паровозного дыма, чуть горьковатый, копченый, как тот, что появляется, если тереть камнем о камень. Мгновение назад она выскочила из вагона в распахнутом плаще, будто затхлый и пыльный воздух электрички — забитые на зиму форточки тому виной — сам вытолкнул ее наружу. Нина легко маневрировала между лужами на платформе; одну назвала про себя океаном, вторую — впадиной. В районе Курской заставы живо разбегались трамваи, делали у вокзала почетный круг, блестели мокрые после дождя рожки троллейбусов. Когда она шагнула на трамвайную площадку, в небе отчетливо гроыхнуло, эхом отшатнулось от слепого торца вокзала, обрушилось где-то за железнодорожными путями; обиженно заскрежетал товарняк. Гроза! И первого мая, вот неудача.

Но это не повод опаздывать. Нина прищурилась, чтобы рассмотреть время на настенных часах: успевает вроде бы. Сегодня ехала с дачи прямо к Ганечке, то есть

Ксения Буржская

за Ганечкой, даже домой заходить не будет, забежит сразу в первый подъезд, заберет их с Владиком, потом они спустятся под землю: давно обещали мальчику показать метро, доехать от «Красносельской» до «Охотного ряда» и сразу – на Красную площадь.

Трамвай выехал на влажное с испариной Садовое кольцо, обогнул дом, в котором жили сослуживцы мужа, Генриха Беккера, – ребята из Наркомата путей сообщения. Они и сами могли бы тут жить, но Генрих хотел подальше от вокзала, сказал, что раз уж они могут выбирать, то почему бы не выбрать. Курский вокзал за спиной – огромный торжественный дворец, просторный, с башнями, двухколонным портиком и стеклянными фонарями. Нине он очень нравился, но шуму от него, конечно, много, а еще здесь хватало всего: суеты, нищих, попрошайек. Нина любила зайти туда, как в музей, посмотреть на отъезжающих и прибывающих, послушать разговоры. Она любила вокзалы. Во время поездки в Париж в 22-м они с Генрихом поселились у Северного вокзала, и Нина каждый день обязательно проводила полчаса под его кружевными сводами – смотрела на людей.

Хотя, если бы Нину спросили, где она хочет жить, в каком крае Москвы, она бы сказала, что где-то на русских Елисейских Полях, возле Петербургского (теперь – Ленинградского) шоссе, где зелено и широко и где они с Генрихом часто катаются на велосипедах. У нее есть

Пути сообщения

даже специальные для этих случаев сапоги — высокие, узкие, со шнуровкой.

Но Нину не спрашивали. С Гороховской улицы, из комнаты, окна которой выходили на Московский институт землеустройства (Нина часто смотрела на него и фантазировала, будто изучают в этом институте действительно то, как устроена Земля — в глобальном и философском смысле — от начала времен и до дна человеческой сути), они переехали в новенький, только что отстроенный дом Обрабстря, необыкновенно многофункциональный и авангардный, который напоминал фасадом распахнутую книгу, а окнами — круизный корабль.

Там они с Ганечкой и познакомились — можно сказать, были соседями, хотя и не вполне: жили по разные стороны дома, Нина с Генрихом слева, а Ганя с Андрюшей и Владиком справа. Нина обитала в «квартирной» части, Ганечка — в «коридорной». Это значит, что у Нины соседей не было, им выдали на семью просторную двухкомнатную квартиру, а у Гани было еще двое соседей в ее части и четверо в соседней, где кухня. Чтобы попасть на кухню, ей нужно было выйти из комнаты, пройти через лестничный пролет в квартиру напротив. А вереница из живущих на кухонной стороне не иссякала с утра до вечера по пути в уборную на противоположной, Ганиной, части.

Столкнулись они в гастрономе; Ганечка хотела взять творог для Владика, взвесила уже, но где-то оставила

Ксения Буржская

кошелек — нелепость и глупость и даже в чем-то трагедия, но Ганя лишь виновато покаялась сердитой продавщице, потрепала Владика по голове и как-то легко смирилась: «Ну что же, теперь без творога». «Может, найдете еще? Кошелек-то?» — спросил кто-то участливый из очереди, а Нина залюбовалась Ганей и легкостью, с которой та приняла неловкость, и, сама от себя не ожидая, предложила творог оплатить. Ганя сначала отказывалась, конечно, но очередь ее поддержала: «Возьми сыну-то, растяпа». Она и взяла. Клятвенно обещала деньги вернуть, как только кошелек найдется; он и правда нашелся — оказалось, оставила дома. Шла в магазин через библиотеку и детские качели, поэтому не сразу поняла, что не взяла. Но это уж потом выяснилось, а пока они с Ниной пошли по осенней улице вместе, загребая носами ботишков лужи и подточенные временем листья.

Ганечку звали Ханной. Красивое имя, странное и очень неотесанное как будто, Нине хотелось его смягчить. «Буду звать вас Ганечкой, вас устроит?» Ганечка улыбалась.

Нину все удивляло и восхищало в Гане: ее молодость, легкость, небрежность. Как будто весит она как гагачий пух и ветер вот-вот оторвет ее от земли и унесет куда-то, растяпу и выдумщицу. Сама Нина была женщиной яркой: крупные черты лица ее — нос, губы, темные глаза — неизменно привлекали внимание не меньше, чем

Пути сообщения

ее авангардные костюмы — мужские рубленые брюки и пиджаки иной раз легко соседствовали с мягкими шляпками с перьями, а пышные платья — с кепкой типа «гаврош» и высокими охотничьими сапогами. Кроме прочего, Нина курила. Портсигар из слоновой кости она купила в Париже в середине двадцатых, а мундштук, на котором искусный мастер вырезал пароходик, Генрих привез ей из Берлина. Нина курила — пароходик дымил.

Волосы Нина укладывала в строгое каре по моде, но непослушные вьющиеся пряди постоянно выскакивали из-под головных уборов и заколок и все равно лежали волнами. Если Нина их не укладывала по всей строгости — на даче или когда ленилась, — на ее голове возникало черное облако из по-африкански кудрявых волос. «Мелкий бес», как она говорила. В Нине и правда было что-то беспокойное, резкое, хваткое: она умела быстро принимать решения, в голове просчитывать варианты и выбирать правильный, полагаясь на интуицию и смелость. «В тебя как будто черт вселился», — замечал иногда Генрих, наблюдая за ее кипучей деятельностью. «А я его не выселяла», — парировала Нина.

Генрих давно привык к импульсивности жены, ни в чем ее не ограничивал, их жизни были четко разделены: частная жизнь Нины и частная жизнь Генриха — Гены, как его называл ближний круг. Нина принимала амбиции Гены, привычку с головой отдаваться рабо-

Ксения Буржская

те, его увлечения: Гена коллекционировал предметы искусства, любил красивые вещи, в основном посуду и статуэтки, иногда картины, многое в этом понимал — мог отличить подделку от подлинника, любил музеи. По-настоящему мужских занятий у него не было, разве что поезда, но поезда были неминуемым пристрастием каждого работника Наркомата путей сообщения. Генрих был очень красив: черты его матери, русской дворянки, удачно сошлись с чертами отца, этнического немца, отчего в лице Генриха проявились и немецкая строгость, и порода, а любовь к велосипедам и лыжам позволяла ему выглядеть молодо и подтянуто, несмотря на то что он был отчетливо старше Нины. В этом году ему как раз исполнилось сорок пять; юбилей отпраздновали на аэродроме, где Гена исполнил свою давнюю мечту — прыгнул с парашютом.

В благодарность за то, что Нина не посягала на его свободу и многого не требовала, Гена позволял и ей иметь свои, только свои развлечения — встречаться с подругами, шить наряды, устраивать карнавалы вечера на даче, ходить в театр, курить и петь. Нина хорошо пела. Она отлично владела инструментом, он даже купил и перевез на дачу старенький «Лихтенталь», несмотря на то что на вечерах, которые устраивала Нина, все чаще звучал патефон. Нина заявляла, что не хочет быть мебелью, по нраву ей главные роли, а для этого нужно участвовать, а не сидеть за фортепиано. Но ино-

Пути сообщения

гда все же играла — вечерами, одна, для себя. Генрих даже выходил из своего кабинета, чтобы послушать.

Были у супругов и общие интересы: в теплую погоду они обязательно совершали совместную велосипедную прогулку, катались по городу, потом устраивали пикник в одном из садов. Иногда ездили в Эльдorado, иногда в Эрмитаж, чаще всего, конечно, наведывались в Баумана. Если заезжали в Эльдorado, обыкновенно брали лодку, Генрих отлично с ней управлялся, а Нина предпочитала катамаран: не любила сидеть без движения. Зимой ходили на лыжах, устраивали лыжный пробег и ежегодный зимний костер — на него съезжались друзья, в основном коллеги Генриха с женами и детьми — хорошие, честные люди, по кругу рассказывали истории, жарили хлеб, пили «Перцовую» или портвейн — чтобы согреться.

Генрих круглые сутки пропадал в Наркомате: должность имел серьезную и ответственную — опаздывать нельзя, задерживаться можно. Когда начались пятилетки, работы навалилось с горой — приходилось выполнять и перевыполнять планы, следить, чтобы сошлись копейка с копейкой, а деньги через его руки проходили немалые. Нина служила там же машинисткой. Познакомились они сразу после революции: Нина поступила на службу в НКПС конторщицей, едва ей исполнилось восемнадцать. В том же году ее перевели сначала на должность счетовода, а потом делопроизводите-

Ксения Буржская

ля в финансово-экономическое управление, где они и встретились с Генрихом, который служил в управлении начальником. С тех пор Нина успела поработать в «Красном пути», в Спасском конном парке Москомтранса и вернуться в главное управление НКПС (специально не в отдел Генриха) на должность машинистки со средним окладом в 225 рублей.

Ганя два раза в неделю вела у детей сольфеджио в Доме пионеров, несмотря на то что с детства хотела стать актрисой, и ее живое миловидное лицо с тонкой фарфоровой кожей и яркими синими глазами было прямым распоряжением от этой мечты не отступать. Из Ганиного лица можно было слепить что угодно: и Пьеро, и Золушку, и Джульетту, и Мальчика-с-пальчик – Нина убедилась в этом во время своих карнавальных дачных вечеров. Если в нашитых из тюля и крепа костюмах сама Нина всегда смотрелась как Безумная Нина, то Ганя смотрелась естественно – представляла собой ровно то, что от нее в этот момент требовалось. Ганя мечтала, что непременно выучится на актрису, как только справит Владика в школу – всего два года осталось, можно и подождать. Нина резонно полагала, что Гане времени хватит: в будущем августе ей исполнится двадцать пять.

Муж Гани, высокий и широкоплечий Андрюша, как будто сошедший с полотна известного художника Дейнеки, изображающего идеального советского рабочего,

Пути сообщения

служил инженером-технологом на заводе «Точизмеритель имени Молотова», где делали пипетки, шприцы, ареометры, психрометры и – именно в этом отделе работал Андрияша – первые в стране ртутные градусники.

И Андрияша, и Генрих приходили со службы поздно, так что женщины – с половины четвертого Нина и с двух часов дня Ганя – были предоставлены сами себе и отлично проводили время. С первой же встречи Ганя стала у Нины учиться: «Расскажите мне, Ниночка, как вы варите солянку». И они вместе варили суп – по части странных рецептов Нина была первой: она готовила по большой поваренной книге Молоховец, на ходу адаптируя все рекомендации под окружающую советскую действительность. «Обучите меня писать красиво, как вы». И Нина старательно ставила Гане руку, как учили ее сначала в гимназии, а затем на Бестужевских курсах. А Ганя смеялась. Так что с осени до зимы Нина то и дело пропадала в комнате у Гани, а однажды сказала: «Может, вам, Ганечка, с Владиком ко мне прийти? У нас же кухня есть, а соседей нет». И так оказалось сподручнее. Теперь у Нины дома время от времени проносился вихрь: Ганя и Владик нападали на ее жилище с энергией паровоза, а домработница Нины и Генриха Евгения Емельяновна, которую называли ласковым прозвищем Евгеша, только и успевала подавать и уносить, убирать и затирать – в общем, пришлось ей повисить жалованье. «За вред-

Ксения Буржская

ность», — как она говорила. Впрочем, ни в Гане, ни во Владике вредности не было никакой, только чистая и частая жажда жизни, которую Нина изучала, примеряла к себе, а примерив — присваивала.

Сегодня и Нина, и Ганя встали ни свет ни заря: у Нины была ранняя электричка, Ганя же с раннего утра готовилась к Первому мая, рисовала для Андрюши плакат, дошивала платье — в этот день хотелось быть очень красивой, пожалуй, как никогда.

Вместе с последней вспышкой ослабевшей молнии Нина подошла к дому. Уже не лило, однако туфли все равно промокли, но черт с ними, поставит у печки просохнуть, пока Ганя наводит марафет: к ней когда ни приди, она все равно не будет готова. «Почти готова», — скажет она и еще двадцать минут будет рисовать угольным карандашом стрелки в уголках глаз, подкрашивать тушью ресницы и пудрить щеки. Как говорили в народе, «на глазах ТЭЖЭ, на щеках ТЭЖЭ, на губах ТЭЖЭ, а целовать где же?»

Ганя открыла ей весело, порывисто обняла и отстранилась, чтобы Нина вошла, Владик уже бежал ей навстречу — в белой сияющей рубашке, как маленький новорожденный Бог.

Ганя покончила со своим макияжем, на небо вылезло солнце. Нина подумала между делом, что сегодня и не могло быть иначе: гроза отступила, понимая, насколько она некстати.

Пути сообщения

Как договаривались, пошли к метро: Владик очень хотел посмотреть на поезд и на таинственную подземную станцию, и Нина выбрала «Красносельскую», чтобы мальчик, впервые оказавшийся в метро, мог чуть-чуть подольше проехать.

Нина (в необыкновенном приталенном брючном костюме) и Ганя (в чудесном белом платье в мелкий бирюзовый цветочек) под руку вошли в метро, Владик залюбовался уже самим зданием: что-то нездешнее, новое виделось в слегка изогнутой на манер китайской пагоды крыше, пришлось его даже оттаскивать; торжественно спустились на эскалаторе в подземное царство. Владик жадно рассматривал футуристическое пространство: огромные луны ламп внутри кессонов, граненые колонны из ржавого мрамора, светящиеся табло. Стоял, раскрыв рот, а Нина радовалась его восторгу.

И вот — громкое, громкое, шумное — подъехал к станции поезд цвета кофе с молоком. Они вошли — все сиденья были заняты, в глазах рябило от красного: люди ехали с флагами, транспарантами, захваченные общим счастьем. Тут поезд тронулся, позади осталась светлая нарядная станция, замелькала в окнах глазурованная плитка, и Владик кинулся к Гане: «Мама, хочу на ручки, на ручки!» Заплакал. Ганя растерянно взяла его за руку: «Владичек, милый, ты чего? Я не могу тебя взять, у меня же белое платье...»

Ксения Буржская

Нина подняла его на руки, кивнула Гане: мол, не переживай, я подержу. Владик зажмурился и обхватил руками Нину за шею. Со страшным грохотом неслась в темноту железная змея вагонов. Пять остановок — и толпой их вынесло на станцию «Охотный ряд»; Владик, задрвав голову, смотрел на свисающие с потолка тяжелые круглые плафоны, похожие на цирковые шары, шагал по шахматным клеткам пола, а потом самостоятельно бегущая вверх лестница — это его, конечно, особенно восхитило — выплюнула их на неожиданно летний, обветренный воздух. Погода, как нарочно, сменила гнев на милость, и Нина, Ганя и Владик, державший обеих за руки, влились в веселую толпу, залитую победным солнцем, и тут же кто-то развернул над ними огромный плакат: «Привет родному Сталину».

По Кремлевскому проезду мимо Исторического музея — внутри красной, шумной толпы Владика распирала гордость: вот он идет на Красную площадь. Над их головами необъятной тучей проплыл тяжелый медленный дирижабль, и Нина спросила Владика, кого он ему напоминает, и тот ответил: кита. Театральные тумбы вместо афиш были сплошь заклеены праздничными плакатами, на каждом из которых сияла цифра «один» — в этом Владик уже разобрался, умел, по крайней мере, до пяти.

Наконец Красная площадь. Становится тесно, но так даже интереснее. Где-то высоко, так, что Владика пришлось запрокинуть голову, ехали по воздушным невидимым

Пути сообщения

димым путям модели поездов и самолетов, заслоняли солнце гигантские портреты вождей. Владик уже забыл о своем страхе: глаза разбегаются, от радости сводит живот. У других детей шарики, и ему страстно хочется тоже. Но у кого попросить его и как?

Вдруг они поравнялись с помостом, на нем — два человека в красных костюмах: рабочий и работница; уф, как же хочется таким вот стать — огненное знамя в сильных руках, Родина в сердце и, может быть, еще шарик. Эти двое что-то кричат в толпу, и толпа отвечает — Владик не знает что, но оно и не нужно. Только одно: враг никогда не пройдет сквозь толпу таких вот людей, схватится за голову от нашей мощи, а мы вот такие — от красного рябит в глазах, — смотрите на нас и бойтесь! Владик зажмурился, пусть его и дальше несет и качает волна, сплошное море людей, берегов не видно.

...Из этого сна наяву Владика выдернуло нечто, способное заглушить музыку из рупоров, голоса и песни: прямо над ними, так что волосы у мальчика встали дыбом, с грозным рыком пронесся «ишачок» или «ястребок», «муха», «овод» — как его только не называли, — «истребитель шестнадцатый», резвая, как говорил папка, птичка, — самолет самого Чкалова. И как он похож на тот, что у Владика в саду, — совсем игрушечный! И все же совсем настоящий — железная птица на фоне синего мирного неба.

Ксения Буржская

И вдруг все замерло: остановка в пути; и Владик показалось, что там, наверху, если задрать голову до боли в шее, он видит самого товарища Сталина и знает, что это отец народов, главный человек, замечает, как у мамы розовеет лицо и как она начинает кричать вместе со всеми: «Ура товарищу Сталину!», и ее голос растворяется в океане других голосов.

Да здравствует Первое мая! Радостно у Гани на душе, у Нины — радостно от ее радости. Как там написано на плакате: «Страна Советов — страна радости и веселья». Хороший сегодня день. Ганя в своем белом платье, Владик — веселенький, с петушком на палочке; здорово, когда все здорово, только есть очень хочется.

— Ганя, пойдёте к вам, что-нибудь приготовим? — пытается Нина перекричать рупор и наклоняется к самому Ганиному уху, аккуратно над Владиковой головой. От Гани пахнет «Вереском» — плотный медовый запах духов, какой-то телесный даже.

— Ниночка, все ведь уже готово, — весело отвечает Ганя. — Я вчера рассчитывала, что вы зайдёте, так что решила испечь пирог.

— С капустой, — вмешивается Владик. — С капустой и дырочками от вилки!

Мимо приходит человек с черными окулярами.

— Смотри, Нинака, смотри! Циклоп! — показывает пальчиком Владик.

Пути сообщения

— Это у него театральный бинокль на резинке! — смеется Нина.

— А ну не тычь пальцем в людей! — бранится Ганя, а сама улыбается: ну невозможно же не улыбаться в такой вот день.

Взгляд падает на кричащий плакат: «СССР — страна талантливых людей».

— А я талантливая, по-вашему? — спрашивает Ганечка.

— Вы самая-самая талантливая, — заверяет ее Нина, смеясь.

— И в чем же, скажите, мой талант?

— Вы смешная. А как вы поете!

— А вдруг у меня получится? — говорит Ганя. — Я так хотела бы стать артисткой!

— У вас получится! — кричит Нина через толпу куда-то в вечность. — У вас обязательно все получится. Вижу ваше будущее блестящим!

На бульваре загорелась огнями карусель — под полосатым тентом веселые лошадки помчались по кругу. Какая-то женщина дала Владика вожделенный шарик, и он смеялся до слез, не мог сдержать радости.

Дома, насилу успокоив счастливого Владика, Нина смотрит, как Ганечка собирает на стол: тепличный редис тонкими колечками, прошлогодние соленые огурцы, брызнувшие соком, делит на половинки, крошит

Ксения Буржская

лук, наливает в прозрачные рюмки вишневую наливку, закатное солнце плещется в ней.

— Ниночка, расскажите историю, — просит шепотом Ганя.

— Что за историю?

— Какую-нибудь. Из ваших.

И Нина рассказывает, как кошка однажды забежала в секретарскую и ее не могли отловить, как Нина перепутала листы и отправила письмо не тому, как заходил к ней домой однажды городской сумасшедший и требовал чайный гриб.

Ганя смеялась, а большего и не требовалось.

Июнь

Лето подбиралось неслышно, как охотник крадется за жертвой. Птицы пели негромко, трава неуверенно прорастала сквозь грязные лужи, листва еще не шумела во время ночной грозы, но по утрам уже чувствовалась влажная жара.

Генрих уходил рано, старался Нину не будить, хотя она все равно просыпалась от уличного шума и оставалась лежать в постели, слушая, как минута за минутой просыпается мир. Как дворник метет запыленный двор, как приезжают, гудя велосипедными клаксонами, первые почтальоны, как стучат каблуками по тротуарам самые ранние трудящиеся — на заводы, как про-

Пути сообщения

езжают редкие автомобили или первые троллейбусы, дребезжа. Генрих завтракал, Нина слышала во сне запах – горький аромат приставшего к джезве кофе напоминал дачные костры среди сосен, и Нина уже думала о том, как они переедут на лето в Никольско-Архангельское – возможно, с Ганечкой и Владиком. Да, с Ганечкой было бы чудесно.

Они уже обсудили, какие возьмут платья, Нина рассказала все в мельчайших деталях: какие у нее там стулья (очень красивые, тонетовские), какой стол (основательный, дубовый), какие кресла (с изумрудными узорами, на тонких ножках и на каждой ножке – маленькое колесико), какие картины (осенний лес, зимний лес, дорога – «Вы будете смеяться, Ганя, но тоже в лесу»), какие прекрасные статуэтки (скажем, мраморная женщина на скамейке, задумчивая, в руке цветок), и Ганечка, еще ничего этого не видевшая, но живо вообразившая, восклицала: «Нина! Да у вас там просто Пушкинский музей! Такая красота!»

Нина смущенно улыбалась, придумывала, куда первым делом Ганечку поведет: на реку сначала, а потом на рынок? Или сначала на рынок, чтобы успеть купить свежего молока, а потом на реку, после обеда, когда спадет жара? Еще она думала о пирогах с вишней, о смородине, яблоках – замечательное предстояло лето.

Ганечка спросила, можно ли поехать с Андрюшей, и Нина нехотя, но согласилась. Все равно у Андрюши

Ксения Буржская

работа, он сможет выбираться в Никольско-Архангельское только на выходные. Как и Генрих, собственно.

Глядя на Ганечку и Андрюшу, таких молодых и ладных, Нина размышляла о том, что общего у нее с Генрихом, — и огорчалась. Сказывалась и разница в возрасте, и серьезность его характера, и долгий брак без детей. Если она и любила Генриха, то в самом начале — за решительность и представительный вид. Нина выскочила за него очень рано, ей едва исполнилось девятнадцать. В Наркомате он поручал ей работу с документами — высокий, сильный, с крутыми усами, никогда от цели своей не отступавший. Просто пришел однажды — тяжелые и торжественные георгины в руках — и сказал:

— Отчего же вы, Нина, до сих пор не замужем?

И сам ответил:

— Надо это исправить.

Нина смотрела на него удивленно: вот так вопрос. Она не считала себя красивой, скорее, интересной: тяжелые черты лица ее прятались под густыми вьющимися волосами, черными, словно нефть. Было в ее смуглом лице что-то восточное и в то же время породистое — тысяча и одна ночь, черный бархат, шафран. Генрих хотел, чтобы это было только его. Пришел и взял — потому что мог.

— Так что? — спросил он, будто это дело решенное. — Что думаете относительно брака?

Пути сообщения

— Не знаю, — сказала она растерянно; и в самом деле — не знала.

— Так выходите за меня, что ли, — просто сказал он, улыбнувшись, и она тоже засмеялась, скорее от неловкости.

Потом они, конечно, какое-то время притирались, знакомились, но недолго: Генрих ее торопил. Она согласилась. Не сказать, что влюбилась безумно, но и отторжения не испытывала, он вызывал в ней уважение и в чем-то даже трепет. То, как он сидит иногда, сгорбившись над книгой, или то, как командует — приятно было находиться вне этой власти, но под защитой.

И вот уже тридцать шестой — быстро летело время. Нина работала, выдали землю под дачу: Генрих хлопотал. С ребенком не вышло, хотя Нина очень хотела. Две или три попытки закончились неудачей, потом врач сказал ей, что шансов критически мало. Нина переживала, не уйдет ли Генрих теперь к другой, более совершенной, но Генрих сказал твердо: «Я выбрал тебя, и мне теперь с тобой идти». Ее изъяны волновали супруга мало: во-первых, у него уже был сын от первого брака — общение их складывалось неважно, но свой род он считал продолженным и потому не переживал; а во-вторых, он просто ее любил.

Совсем другое, конечно, у Ганечки: первая любовь — и сразу навеки, оба молодые, красивые, оба отличники учебы, закончив вуз, расписались; ребенок опять же,

Ксения Буржская

Владлен, вместивший в своем лице набор лучших черт обоих родителей – легкие голубые глаза Ганечки, бледность ее кожи, тонкий нос Андрея и его же изящные брови, что придавали лицу немного удивленное и задумчивое выражение. Владик случился рыжим: причудливо соединились гены – у Гани волосы были светлее, отливали на солнце бронзой, а Андрюша – шатен. Нина любовалась ими, будто идеально собранным конструктором, комплектом, правильно подобранными деталями, и все же Ганечку ей все чаще хотелось для себя одной – и чтобы она смеялась.

Генрих идею совместного выезда на дачу одобрил: все равно дом был велик для них двоих, да и Нине компания. В конторе на лето ей дали отпуск, а сидеть в одиночестве за городом то еще удовольствие. Так что Нина и Ганя собрали свои чемоданы и Владика и в назначенный день спустились к машине, которую прислал Генрих.

Дача пряталась среди редко раскиданных сосен и частых берез; парадное крыльцо слегка заросло – нужно косить. Позади дома, у сарая, крапива вымахала в полный рост, прямо джунгли, и Владик, конечно же, сразу поймал свои волдыри.

Дачу не так уж давно построили – шло их десятое с Генрихом лето, стало быть, юбилей. Дом был большой, двухэтажный, скрывался в зеленой глубине Балашихи, десятая линия, дом 41 – в первый же день Ганя застави-

Пути сообщения

ла Владика вызубрить адрес, потому что тот все время норовил выскользнуть за забор и упереться завистливым лбом в калитку детского сада, стоящего напротив, а при удачном случае смешаться с другими детьми, если они вдруг выходили куда-то гурьбой.

Распаковавшись, Нина повесила гамак между сосной и беседкой и залегла там с книгой и папиросой, а Ганечка в своей веранде весело и легко наводила чудесный быт: стелила Владiku раскладушку, расставляла книги, вытирала скопившуюся за время зимнего отчуждения пыль.

На даче, конечно, много было хлопот, но больше всего удовольствия: Нина с Ганей сажали цветы и лук, выносили на просушку подушки и одеяла, играли в нарды. А Владик бегал по участку, изображая поезд, и гудел, как шмель, приближаясь к воображаемому переезду.

Дни пошли теплые и спокойные: утром делали зарядку, включали радио и завтракали на улице. Ганя готовила блинчики и запеканки, кашу для Владика, Нина обязательно варила кофе: ставила на плиту почерневшую от огня турку, засыпала туда перемолотое зерно – не обычный цикорий, который можно было купить в любом магазине, а что-то совсем другое, ароматное, из таких стран, о которых Ганя даже не слыхивала. Откуда у Нины брался такой кофе, Ганя не спрашивала, зато живо интересовалась купальными костюмами.

– Этот откуда?

Ксения Буржская

- Из Парижа.
- А этот откуда?
- Из Стамбула.
- Как много вы видели мира!

Ганя восхищалась тем, что Нина успела побывать за границей, когда еще можно было выезжать, и обо всем просила ей рассказывать, могла слушать эти рассказы часами, сидя у ног и вышивая какую-нибудь нелепицу. Руки у Гани были красивые, но точно не золотые: тигры у нее выходили кривыми, деревья – страшными, но Нине казалось это очень милым, она даже достала для Гани шелковый абажур, чтобы та расшила.

Иногда они раскрывали дореволюционную книгу рецептов, находили там что-то забавное, странное и пытались воспроизвести. Например: «Омлетъ съ вареньемъ. Взять 5 яицъ, разбить, добавить 1 стаканъ молока, разболтать, и поджарить въ маслѣ на сковородкѣ. Переложить на тарелку, помазать вареньемъ, закатать быстро ножомъ, поставить на 2 мин. въ духовку, вынуть и подавать». Ганя делала, Нина хохотала. Поджарить в масле еще удалось, даже вымазать вареньем получилось, правда, варенье дома водилось только смородиновое, а какое необходимо – не сказано. Быстро закатать ножом не вышло: омлет развалился и превратился в кашу, и уж тем более не представлялось возможным поместить сие в духовку – не обнаружилось ни духовки, ни посуды для нее. Ели так: намазывали

Пути сообщения

на хлеб яично-вареное месиво; получилось съедобно, но точно невкусно.

В первую же неделю Владик вышел за ворота глядеть на садик и притащил домой уличную кошку. Кошка была небольшая – не совсем котенок, скорее подросток, – рыжая, точно Владик, а на лбу будто клеймо из полосок – буква «М». Владик нес ее перед собой на вытянутых руках – длинные тощие лапы свисали лианами. Когда Нина предложила вернуть кошку на место, Владик отчаянно заревел: «Я ее люблюуууу», и это «люблю» еще долго вызывало у взрослых смех. Кошку назвали Наткой.

Натка быстро освоилась, ночью жила своей собственной отдельной жизнью, а днем приходила в дом и спала на веранде, сложив голову на длинные лапы. Владик постоянно боялся, что Натка сбежит, но та была не дура и к обеду всегда возвращалась.

Близилась вторая летняя суббота, а в этот день Нина всегда устраивала карнавальную вечеринку, приглашала друзей. Ей нравилось, когда все принимают участие в празднике: приходят в костюмах или мастерят их прямо на месте, в процессе извлекая из них какую-то ладную историю, превращая ее в спектакль тут же, между ужином и десертом.

Нина и Ганя в этот раз соорудили себе одинаковые накидки из тюля, маски райских птиц из цветной бумаги, а на ужин решили приготовить оладьи из кабачков

Ксения Буржская

и цицилу с овощами — проще говоря, зажарить целую курицу, начиненную овощами и специями.

Приехал с работы Генрих, а с ним друг семьи доктор Шапиро и коллега Генриха, замначальника дирекции спальных вагонов прямого сообщения Арсентьев с маленькой дочкой Асей. Арсентьев не так давно овдовел — жена его умерла от туберкулеза, — но за год оправился, и его доброе круглое лицо уже не было таким печальным, как прежде. По поводу дирекции спальных вагонов Нина всегда смеялась: «Вот это должность!» — и в шутку называла его «директор передвижных кушеток».

Приехала подруга Галка — шумная, громогласная машинистка из соседнего управления, главная сплетница и любительница веселья. Приехал и Андрияша с близким другом Сергеем Будко, невысоким мужчиной с отталкивающе строгим лицом, но Нина решила первому впечатлению не доверять.

В фанты поиграли очень весело: все хохотали, даже Генрих, особенно когда Нине выпало залезть под стол и кукарекать, а она в своем одеянии и так была как сумасшедший петух.

Генрих умело развел огонь на кострище, взметнулись вверх красные звезды. Нина испугалась, что загорятся листья на нижних ветках стоящего поодаль клена, но они свернулись в трубочку и не занялись. Нина набросила платок: лето еще не вошло в свою полную

Пути сообщения

силу, вечера стылые — и в обретенном тепле поймала знакомое ощущение, когда все свои рядом и так уютен этот ближайший круг.

Шапиро, главный шутник и задира, знакомый Генриха с юности, сейчас по-настоящему хороший врач-хирург, рассказывал смешной случай: захотел выпить пива в «американке»¹ у Покровских Ворот и стал свидетелем скандала — продавец разливал в грязные кружки, а когда один товарищ попросил посуду вымыть, накричал на него и отказался обслуживать. Дескать, если каждую кружку мыть, работать (то есть наливать) некогда будет.

— Возмутительно, — сказала Галка. — Но есть же выход: можно не пить!

— Не пить! Да что вы понимаете в жизни, — сказал Шапиро, и они рассмеялись и чокнулись.

— Жизнь несправедлива, — парировала Галка, отпивая из бокала.

— Это я в курсе, — отвечал ей Шапиро. — Знаете ли вы, что побреют вас в парикмахерской за сорок пять копеек, а одеколоном после бритья намажут за пять-

¹ В середине 1930-х гг. существовало несколько типов заведений, в которых можно было приобрести алкоголь: пивные-американки с высокими стойками, без стульев, пивные-закусочные с высокими стойками и незначительным количеством посадочных мест (в них обязательно должны были быть патефон, радио или баян), бары-пивные с художественной отделкой помещений и мебели (с обязательным оркестром и возможностью для посетителей потанцевать).

Ксения Буржская

десять? Где ж тут справедливости искать? Или снова скажете: можете не бриться?

— Бриться, пожалуй, стоит, — согласилась Галка. — Но вы могли бы как-то и сами. Без парикмахерской.

— Вы, Галина, предлагаете мне скучную, унылую и постную жизнь.

— Между прочим, Галина права, — неожиданно вступил в разговор до сих пор молчавший Будко. — Гедонизм только портит человека.

— Что вы говорите? — Шапиро изумленно взглянул на него. — А что же тогда человека, так сказать, улучшает?

— Труд, — ответил Будко бескомпромиссным тоном. — Только труд.

— Тогда извольте, — произнес Шапиро вставая. — Потрудитесь налить мне еще портвейна. Вас это улучшит, а меня, так и быть, испортит.

— Хам, — сказал Будко и воинственно подался вперед.

Андрей схватил приятеля за рукав, а Шапиро захохотал:

— Друг мой, вы все принимаете слишком близко. Остыньте, у нас впереди чудесный вечер, не стоит его портить.

Сергей сплюнул на землю и повернулся к Андрею:

— Это, стало быть, твой новый круг?

— Тихо, — попросил Андрей. — Ты несправедлив.

Пути сообщения

— И правда, Сережа, — сказала Ганя тоном, каким она обычно успокаивала разбушевавшегося Владика, — осади. Человек же просто шутит.

— За такие шутки в зубах бывают промежутки, — буркнул Сережа, и Гане вдруг стало за него нестерпимо стыдно, как будто она привела в высшее общество дворового хулигана.

Впрочем, Сережа был и хулиганом, и дворовым, они с Андреем дружили, скорее, по инерции: общее барачное арбатское детство, первые драки — в одной компании гуляли дети разных сословий, и не худшие тянулись к лучшим, а, как правило, наоборот. Андрей довольно быстро стал лидером благодаря своему уму, смекалке и быстрой реакции, это же помогло ему в выпускном классе вытянуть себя за волосы из болота в институт. У Сережи таких талантов не было, но как друг он себя проявил хорошо: стоял горой, дрался за Андрея, не обманывал. Андрей ему доверял, поэтому, когда Ганя спросила мужа, хочет ли он взять кого-то с собой в гости, тот сразу сказал: «Сережу», думая, что поездка будет тому наградой. «Давно не общались как-то, все занят я, давай позову его, заодно повидаемся, а то неловко». Теперь, получается, за Сережу было немного стыдно, никто не ожидал от него такой внезапной классовой нетерпимости, но что уж теперь.

Пока куриное мясо доходило в печи, а картошка в костре, Нина предложила сыграть в петанк — игру, ко-

Ксения Буржская

торой их с Генрихом обучили в Париже, и они так пристрастились, что даже привезли с собой тяжелые шары. Правила игры оказались простыми: выбрать площадку поровнее, желательнее песчаную, с одной стороны вбить деревянный колышек, а с другой метать металлические шары, чтобы те оказались как можно ближе к нему.

Лучше всего бросать получалось у Андрея, хуже всего — у Галки, ее шары то не долетали, то перелетали за колышек, а Сергей вообще не играл, но его решили не трогать.

Потом ели курицу. Тут же прибежала Натка и первой взгромоздилась на стол. Генрих скинул ее, и она обиженно поплелась под стол ждать подачек. За столом Шапиро снова травил неосторожные анекдоты, а Галка заливисто хохотала.

— Председатель колхоза говорит: «У нас сегодня большая радость. Районное начальство выделило нам фанеру. Что будем делать: латать дыры в свинарнике или чинить крышу в коровнике?» Собрание долго думает, потом неожиданно встает один дед: «Давайте из этой фанеры построим аэроплан и улетим из колхоза к ядерной матери!»

Нина вышла покурить за ворота, спряталась за вишней. Присела на синий столбик колонки, холодный и влажный под ладонью. Вдруг листва зашуршала, Нина от неожиданности вздрогнула и обернулась.

— Кто здесь?

Пути сообщения

— Это я, я, Ниночка, простите, что напугал. — Из-за вишни показался Арсентьев. Его светлая рубаша светилась в темноте, а лицо было темным, виднелись одни только добрые глаза.

— А-а, это вы. Подкрадываетесь, как вор.

— Да, похоже... — Арсентьев засмеялся, будто захала сова. — Я, собственно, проститься, Асеньке пора спать. Сейчас поедем.

— Что вы! Так рано? Положите ее на втором этаже! Можете и сами остаться, дом большой.

— Да по правде, Ниночка, дело не только в этом, лучше мне уехать.

— Что вы, Алеша, что произошло? — Нина обеспокоено взглянула в его лицо, но он отводил глаза. — Кто-то обидел вас?

— Да что вы, кто меня обидит? — снова захал Алеша. — Вы посмотрите на меня.

И он раскинул руки — большой, как медведь.

— Разве дело в размере? — удивилась Нина. — Обидеть можно и маленького, и большого — одинаково.

— Вот, Нина, что мне в вас нравится... Я хочу сказать, как в человеке. Вы мудрая.

— Бросьте, Алеша. Я и слышать не хочу о вашем отъезде. У нас еще десерт впереди. Видели бы вы, какие Ганечка напекла булочки с клубникой!

— Спасибо вам, Ниночка, но я не могу остаться. Надо ехать.

Ксения Буржская

— Да что вы заладили, в самом деле? Назовите хоть одну причину, почему вы не можете остаться!

— Да... Понимаете... Я вас люблю, — выпалил Арсентьев, и лицо его запылало. — Такая причина.

Нина посмотрела на него внимательно и с интересом.

— Как друга? — осторожно уточнила она.

— Как женщину, — ответил Алеша, окончательно сдавшись. — И я не хочу, чтобы это вам как-то мешало.

— Но я ведь жена вашего товарища, — сказала Нина.

— Да, разумеется, и я очень уважаю Генриха и высоко ценю нашу дружбу и ваше доверие, поэтому я ни на что не претендую и даже не могу себе вообразить...

— Ну, воображать вам никто не запрещает, — сказала Нина с улыбкой. — Но ответить я вам не могу.

Арсентьев покорно кивнул.

— Я и не ждал.

— Не переживайте, Алексей. Оставим это между нами, — ободряюще сказала Нина и похлопала его по плечу. — Вы хороший человек, и я искренне желаю вам встретить женщину, достойную вас.

— Да, да, спасибо, Ниночка. Простите.

— Ну пойдете к гостям. А то вы словно парализованный.

— Признаюсь, слаб: вы на меня так влияете. Но я обещаю вам, что больше такого не повторится.

— Пойдемте, пойдемте.

Пути сообщения

И они вышли из-за вишни все еще добрыми друзьями, будто бы совершенно ничего не произошло. Генрих приветственно помахал им рукой.

В саду тем временем назревал конфликт. Сергей, до сих пор мирившийся с окружающей действительностью и изрядно надравшийся, пер на Шапиро как тореадор, а тот сидел, беззлобно ухмыляясь, и ждал, чем кончится представление.

— Вы, товарищ, скажите прямо... Стоите ли вы за советскую власть? — требовал Сергей, раскрасневшийся, как бакинский помидор.

— Конечно! Лучше стоять за нее, чем сидеть! — искренне веселился Шапиро и так разошелся, что даже опрокинул на себя стакан с портвейном.

— Вы гад! — наступал на него Будко. — Так вам и надо!

— Послушайте, товарищ, я вспомнил еще один анекдот, — сказал Шапиро, отряхиваясь. — На колхозном собрании вручают подарки за хорошую работу к Седьмому ноября. «За отличную работу в поле товарищ Иванова премируется мешком зерна!» Аплодисменты. «За отличную работу на ферме товарищ Петрова премируется мешком картошки!» Аплодисменты. «За отличную общественную работу товарищ Сидорова премируется собранием сочинений Ленина!» Смех, аплодисменты, возглас: «Так ей, бляди, и надо!»

— Вам, конечно, виднее, но я поражаюсь, как вы не боитесь! — ужаснулась Галка.

Ксения Буржская

Шапиро и правда не боялся. Была у него такая сверхспособность: его всегда стороной обходило любое наказание. «Родился в халате, и, что интересно, – в белом», – говорил он. И в этот раз был уверен, что обойдется. Во всем остальном Шапиро счастливымчиком не был: три брака развалились, от первого остался ребенок с каким-то редким психиатрическим диагнозом, жена тоже, правда, была не совсем в порядке, он платил алименты, много оперировал, часто пил, но человеком сохранился веселым и беззлобным, любил подтрунивать над верующими – во что угодно, потому что сам ни во что не верил. Но и не боялся. Знал, что его бережет какая-то сила, имени у этой силы не было, но она позволяла ему чесать языком без ограничений. Генрих все это, конечно, помнил и держал в голове, что шутки Шапиро могут стоить жизни кому-то другому, но по-человечески жалел его, потому что вообще-то умный он был мужик, талантливый диагност с легкой рукой, и этого не отнять.

– Вы оба пьяные и ведете себя некрасиво, – вмешался Генрих. – Перестань, Шапиро.

– Что у трезвого на уме, у пьяного на языке! – злобно проговорил Будко.

– Перестань, Сережа, выпил человек, сказано тебе, – довольно жестко оборвал его Андрей.

– Что? – Сергей сжал кулаки. – Ты-то куда лезешь? Ты... Мы же выросли с тобой... Вместе... Вот уж от тебя не ожидал...

Пути сообщения

- Да брось, Сережа, ну перебрал лишнего.
- А ты согласен с ним?
- Что?
- Согласен? Ты тоже смеялся над его похабными анекдотами. Я видел!

Будко начал толкать Андрея в плечо, и тот, оступившись, упал на Арсентьева, который легко поймал его и, обогнув, так же легко оттолкнул Сергея. Но тот не отступал.

- Что ж, Сергей, – спокойно сказал Генрих, – раз так – на правах хозяина я прошу вас уйти.

Генрих был по-своему справедлив: он всегда предпочитал доброго злому.

– А я на правах честного советского гражданина обещаю, что вам это с рук не сойдет! – кричал Сергей из-за кустов гортензии, стоявших между ними. – Тебе, Андрей, особенно.

- Не переживайте, – успокоил Арсентьев Андрея. – Агрессивные обычно отходчивые. Давайте, Сергей, ступайте в машину, я вас отвезу.

И с улыбкой увлек его за плечо, напоследок сказав:

- Ну, мне тоже пора, господа. Надеюсь, дальше вечер пройдет без происшествий.

Они с Генрихом обнялись.

После этого инцидента гостей они больше не звали. Нина и Ганя остались на даче втроем с Владиком, впрочем, кажется, это не волновало Нину: дни и без того были полными, как будто всего хватало.

Ксения Буржская

По вечерам, уложив Владика, они обычно забирались на крышу и лежа смотрели в небо. Иногда на нем собирались в фантастические узоры звезды, чаще мерцали полупрозрачные облака, и Ганя рассказывала Нине, что будет дальше. А дальше будет так: Ганя выучится на актрису, станет служить в театре, непременно во МХАТе, а как иначе? Хотя в кино тоже очень хочется сняться: они не так давно посмотрели «Космический рейс», и «Новый Гулливер», и даже только что вышедшую в прокат французскую картину «Последний миллиардер», и все это Ганю очень впечатлило. И когда она снимется в кино, ее фото напечатают на открытке — как Любовь Орлову. В наборе будут разные фотографии, конечно, одна из них — с Наткой, а лучше — с тигром из цирка. Владик пойдет в школу, она купит ему ранец — уже присмотрела в Мосторге. Андрея повесят, он чаще будет появляться дома и, может быть, даже сделает открытие. Нина? А Нина откроет салон, как в Париже. Сюда, в Никольско-Архангельское, будут съезжаться лучшие люди Москвы: художники, артисты (это Ганя обеспечит), певцы, архитекторы. Архитектор, конечно, предложит ей перестроить дом, потому что этого для гостей будет недостаточно. А вот кого они точно в салон не пригласят, так это Сергея.

Восемнадцатого июня умер Горький. Нина запомнила эту дату, потому что в этот же день они с Ганей

Пути сообщения

перешли на «ты». Утром Ганя, как водится, попробовала приготовить одно из странных блюд из поваренной книги, а Нина отправилась в огород за зеленью. Вернувшись с пучком укропа и перьями лука, она сказала Гане:

— Пожалуйста, говори мне «ты».

Она и сама не знала, как это вышло: Ганя говорила «вы» всем, кто старше и чего-то в жизни добился, и какой бы близкой ни была их дружба, Ганя благоговела и чувствовала себя обязанной проявлять уважение.

— Не знаю, Ниночка, вы мой идеал, мне как-то неловко.

— Неловко спать на потолке! — сказала Нина, и смущение ушло, уступив место совместному смеху.

— А давай в Кисловодск поедем? Гена устроит.

— Нина, это было бы отлично. Доктор Владиду давно рекомендует санаторий.

— Решено!

Вечером приехал Генрих, и Нина сразу же бросилась к нему обсудить Кисловодск. Но Генрих был мрачнее тучи.

— Что случилось? — спросила она, переживая, что он в чем-то ее винит.

— Алексей Максимович умер, — сказал Гена.

Нина знала, что Генрих Горького очень любил и считал большим писателем, называл его только так: Алек-

Ксения Буржская

сей Максимович. Генрих искренне считал его лучшим пейзажистом в литературе и дорожил их личным знакомством.

Кисловодск пришлось обсуждать несколько дней спустя, но все разрешилось в их пользу.

Июль

На вокзал прибыли загодя; еще два часа до поезда, но так надежнее — Нина спорить не стала: Генрих и так нервничал, что они поедут одни. «Заселитесь в санаторий, зайдите в контору отметить, пусть за вами присмотрят» — так он сказал. Время, как он говорил, тревожное, хотел все предусмотреть.

Нина этой тревожности не чувствовала и страха не разделяла: она ехала на воды с Ганечкой, и радость переполняла ее — вот-вот польется через край.

— Что в чемодане у тебя? — недовольно спросил Генрих, подзывая носильщика. — Кирпичи?

— Разное, — сжимая сигарету в губах, процедила Нина. — Платья, шляпки, туфли. Ты разве не знаешь, как меняется погода в горах?

— Да-да. Повезет ли с погодой, — задумчиво сказал Генрих. — Будет довольно нелепо просидеть две недели в комнате.

Пути сообщения

— Не более нелепо, чем сидеть в Никольско-Архангельском в холодное лето, — ответила Нина, проверяя шнуровку на своих сапожках. — Милый друг, ты слишком придирчив.

Андрей тоже волновался.

— Ты не простудишься? — спрашивал он Ганю, заглядывая ей в лицо.

— О боже, нет, я же еду на юг, а не на север!

— А Владик? Он не отравится?

— На диетическом столе?

И Ганя смеялась — звенели ее колокольчики.

— Если папирос не хватит, зайди в контору, — отдавал последние наставления Генрих.

— Гена, я поняла! Не буду вылезать из конторы. Правда же, я за этим еду в отпуск?

И Нина тоже рассмеялась — но не колокольчиками, а словно бы рвали картон.

Наконец подали поезд. Генрих помахал начальнику, они тепло поздоровались.

— Проследишь за моими курицами? — спросил он, указывая сразу на Нину и Ганю.

— Неплохой курятник у вас, приятно взглянуть! — улыбнулся начальник, плотный опрятный дядюшка с железной осанкой.

Генрих обнял Нину на станции и отправился по своим делам, Андрей же довел их до самого купе, долго еще стоял в проеме и смотрел на Ганечку.

Ксения Буржская

— Перед смертью не надышишься, — сказала она, шутя. — Иди уже.

Андрей склонился над ней и поцеловал, и Нина почувствовала укол ревности; впрочем, это быстро ушло, ведь дальше — она позволила себе насладиться этой мыслью подольше — у них впереди три недели, двадцать один день, только для них двоих, а Владик не в счет.

В поезде было душно и пахло хлоркой. Нина и Ганя с Владиком заняли отдельное купе — уютный домик на ближайшие пару дней. Ганя достала яйца и куриные ноги в вощеной бумаге, почти прозрачной от жира, Нина — колбасу и мармелад. Как же складно у них получалось в хозяйстве! Это стало понятно еще на даче — лучше партнера и не придумаешь.

Приятное возбуждение быстро сменилось усталостью от однообразного пути, за окнами мелькали только бледно-желтые пейзажи да зеленые поля. Нина достала карты и шашки, Ганя читала книжку, которую взяла для Владика — «Тараканище», — как проклятая уже по десятому кругу, и выучила бы наизусть, если бы Нина не предложила научить Владика карточным фокусам — тот сразу потерял интерес к книжке.

Нина любила железнодорожные путешествия, большую часть жизни они с Генрихом куда-то ездили — будучи работниками Наркомата путей сообщения, было бы странно не использовать такую возможность. Конечно, в двадцатых они много путешествовали и на кораблях,

Пути сообщения

особенно если в другие страны, но в любом случае она привыкла к долгой жизни в пути, и это дорожное подвешенное состояние совсем ее не выматывало, наоборот – вдохновляло.

Владиком занимались по очереди: то одна его развлекала, то другая. Ночью спали под убаюкивающий перестук колес, и только резкие остановки на станциях по пути следования будили Нину. Она старалась выходить на каждой станции: курила, покупала что-то вроде кукурузы или пряников, рассматривала стеклянные фигурки на столе перронного старьевщика, на одной остановке купила ленту – Ганя по утру красиво вплела ее в свои пшеничные волосы.

Нина использовала время как могла умело: ей было жаль каждой минуты, потерянной или прожитой зря, она была уверена, что нужно уметь находить себе место в любом пространстве, потому что иначе потом будешь жалеть о потерянном, о пробелах, о неисполненном. Она не знала, как рассказать об этом Гане, как объяснить ей, что это путешествие – счастье. И хотя та и сама радовалась выпавшей возможности, Нине казалось, что она не понимает этого со всей полнотой.

Утром Нина проснулась от толчка в спину. Это поезд встал на какой-то станции. «Стоянка десять минут», – услышала она дребезжащий голос динамика.

– Где это мы? – спросила она пассажира, кутившего в проходе.